

ляются глаголом, а лишь находятся в коррелятивных отношениях со связанными местоимениями и, следовательно, не представляют из себя S и O в обычном понимании [5, 6]. Второе возможное объяснение состоит в том, что наряду с привычной для нас когнитивной стратегией «Тема вначале» существует и другая когнитивная стратегия «В первую очередь наиболее срочное (т. е. новое)» [7], и именно она преобладает в языках типа оджибва.

Еще одно возражение касается набора функциональных принципов. Легко видеть, что принципы «Тема вначале» и «Одушевленное вначале» являются «склеенными», т. е. всегда выполняются или не выполняются одновременно (так как S является коррелятом и ТИ, и одушевленного). Принцип «Одушевленное вначале» логически избыточен; принципов «Тема вначале» и СГД достаточно для описания четырех классов, на которые разбиваются по частотности шесть возможных базисных порядков:

Тема вначале	СГД	
	+	-
+	SOV, SVO VOS, OVS	VSO OSV

Единственный факт, которого не учитывает двухпризнаковая система,— это большая частотность VSO по сравнению с VOS и OVS. Чтобы учесть этот факт, достаточно весьма похожего на правду допущения, что принцип «Тема вначале» «весит» больше, чем принцип СГД. С содержательной точки зрения принцип «Одушевленное вначале» мог бы переформулироваться как исходная точка всей концепции и дать универсальное наполнение символам S и O (вместо не-универсального синтаксического наполнения). В этом случае S и O понимались бы как прототипы «агенса / одушевленное» и «пациенса / неодушевленное», а ТИ проверялась бы на сочетаемость с обоими этими прототипами.

С точностью до этих, не фатальных для концепции Томлина, поправок книгу можно оценить как отличный образец типологического исследования, сочетающего уникальный охват языкового материала с детальным анализом отдельных языковых примеров, статистической скрупулезностью и в то же время теоретической глубиной и смелостью мысли. Особого внимания заслуживает когнитивная ориентация функционализма Томлина. Лишь включение в инструментарий лингвистики базисных характеристик человеческого сознания (таких, как долговременная и текущая память, распределение внимания и др.) позволит дать действительно объяснение языковых феноменов.

Специально хочется отметить высокие стилистические достоинства книги. В ней практически нет ни «темных мест», ни столь частых в лингвистических работах сознательных «натяжек», ни камуфлирования трудностей, ни логических несообразностей. Книга Р. Томлина безусловно вносит конструктивный вклад в теоретическую лингвистику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Greenberg J.* Some universale of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // *Universale of language* / Ed. by Greenberg J. Cambridge, 1963.
2. *Syntactic typology* / Ed. by Lehmann W. P. Sussex, 1978.
3. *Hawkins J.* Word order universale. N. Y., 1983.
4. *Firbas J.* On defining the theme in functional sentence analysis // *TLP*. 1966. 1.
5. *Lambrecht K.* On the status of SVO sentences in French discourse // *Coherence and grounding in discourse* / Ed. by Tomlin R. Amsterdam, 1987.
6. *Mithun M.* Is basic word order universal? // *Coherence and grounding in discourse* / Ed. by Tomlin R. Amsterdam, 1987.
7. *Givón T.* Topic continuity in discourse: An introduction // *Topic continuity in discourse* / Ed. by Givón T. Amsterdam, 1983.

Кибрик А. А.

Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии (Как работать над терминологическим словарем). Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 72 с.

Рецензируемая книга состоит из предисловия, трех глав и заключения. В предисловии определяется объект научно-технической лексикографии, выявляются

типы специальных словарей и раскрывается лингвистическая сущность единиц описания этих словарей. Первая глава посвящена рассмотрению ис-

точников терминологических словарей. Продолжая лексикографическую традицию акад. Л. В. Шербы, автор с присущей ему убедительностью доказывает, что за основу терминологических словарей следует брать современные тексты, относящиеся к данной отрасли знания, принадлежащие перу ведущих ученых и специалистов-практиков (с. 12). Полученные текстовые сведения А. С. Герд рекомендует дополнять и корректировать данными, почерпнутыми из соответствующих терминологических и энциклопедических словарей, ГОСТов, ОСТов, информационно-поисковых тезаурусов и других справочных документов.

Вопросы теории и практики формирования словника терминологических словарей рассматриваются во второй главе книги. Автор вводит применительно к терминологическим словарям понятие «хронологические рамки», имеющее важное значение для научно-технической лексикографии. Дело в том, что «хронологические» терминологические словари не только отражают развитие подъязыка науки и техники, но и предоставляют в распоряжение специалистов в области фундаментальных наук терминологические сведения из работ предшественников, из исследований разных школ, времен и направлений. Терминологические словари, составленные с учетом периодизации истории соответствующей науки и истории языка данной науки, демонстрируют общелингвистический и историко-культурный уровень лексикографического труда.

Словники терминологических словарей обычно строятся путем отбора из текстов основных с точки зрения отдельных специалистов терминов. Такой подход послужил той почвой, на которой вырос и развивался субъективизм в научно-технической лексикографии. В целях его уменьшения при формировании словника терминологических словарей автор предлагает предварительно смоделировать логико-понятийную систему, характерную для той или иной отрасли знаний, и лишь потом ставить вопрос о том, какие сегменты текста в плане выражения соответствуют единицам этой системы в плане содержания. Однако остается неясным, как соотносить тот или иной сегмент текста с тем или иным научно-техническим понятием, отраженным в предварительно смоделированной логико-понятийной системе. Следует ли опираться здесь на логико-лингвистическую интуицию лексикографа или базироваться на общественно-профессиональном мнении? Возможно, есть смысл пользоваться некоторым формальным аппаратом.

Касаясь вопросов включения в терминологические словари «ученых» слов, раз-

личающихся неодинаковой распространенностью, сферой употребления, происхождением, стилистической окраской, формой и другими особенностями, автор считает, что такие пласты научно-технической лексики, как диалектизмы, профессионализмы, устаревшие термины, собственные имена, варианты слов, аббревиатуры и символы, следует подавать в словаре при основном термине со специальными пометками, а общенаучную и междотраслевую лексику включать в терминологические словари целесообразно.

В третьей главе книги рассматриваются вопросы организации данных в терминологических словарях и структура отдельных фрагментов таких словарей. Здесь имплицитно выражена позиция автора относительно принципа терминологической кодификации слов и словосочетаний. Если терминологический словарь ориентирован на человека, то целесообразно пользоваться алфавитным принципом, а при его ориентации на ЭВМ лучше опираться на принципы идеографического лексикографирования. Для нужд учебной терминологической лексикографии целесообразнее всего алфавитно-гнездовое расположение словарного материала.

Остановившись на самой сложной части словарной статьи — семантике термина, А. С. Герд справедливо считает, что «...полное описание содержания понятия встречается только в специальных монографиях узкого профиля и в специальных энциклопедиях» (с. 54), а лаконичное компактное и более точное формулирование соответствующих терминологических значений — дело лингвистов вместе со специалистами. Далее отмечается, что выделение существенных признаков научно-технических понятий и отношений (родовидовых, ассоциативных и др.), в которых находятся данные понятия с другими научно-техническими понятиями, является основным требованием к построению полного лексикографического определения термина.

Рецензируемая книга завершается характеристикой перспективных направлений в терминологической деятельности как в СССР, так и за рубежом.

Некоторые положения книги А. С. Герда являются дискуссионными. Так, например, трудно согласиться с тезисом автора о том, что «отношения, которые не могут быть выражены обычной схемой иерархического подчинения» (с. 60), являются ассоциативными отношениями. Представляется не совсем удачным употребление словосочетаний «речевые текстовые термины» (с. 38), «речевые термины» (с. 42 и ел.) для обозначения одного

и того же понятия научно-технической лексикографии. Это объясняется, по-видимому, тем, что научно-техническая лексикография является новой, молодой отраслью общей лексикографии, в которой многие понятия еще не устоялись и не нашли своего общепринятого языкового воплощения.

В заключение хочется пожелать, чтобы рецензируемая книга была переиздана достаточным тиражом, ибо она уже стала недоступной для широкого круга специалистов по информатике, терминологии, терминологии и др.

Арзинулов Х. А.

Бураев И. Д. Становление ЗВУКОВОГО строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с.

Хотя русское и советское монголоведение за всю историю изучения монгольских языков, в том числе и бурятского, накопило довольно большой материал, касающийся проблем исторической фонетики, однако все проводившиеся до сих пор разнообразные исследования в этой области выполнялись преимущественно на фонетическом уровне, затрагивая эволюцию не всей системы, а ее отдельных звуков. Причинно-следственные связи и исторический фон, объясняющие ход и направление эволюции фонологических систем монгольских языков, до сих пор не были вскрыты. Атомарность в описании эволюционных процессов наблюдается и у таких крупных компаративистов-монголоведов, как Г. И. Рамstedт, Б. Я. Владимирцов, В. Котвич, А. Д. Руднев, Г. Д. Санжеев. Все это в значительной мере было обусловлено недостаточной разработанностью фонологической теории. Кроме того, сравнительно-исторические исследования в какой-то мере сдерживались из-за отсутствия материалов по ряду современных монгольских языков и диалектов.

В последние десятилетия после выхода в свет целой серии работ Б. Х. Тодаевой, Э. Р. Тенишева и других исследователей, посвященных ранее неизученным монгольским и тюркским языкам Китая, а также многочисленных публикаций по разным диалектам и говорам бурятского, калмыцкого и халхасского языков ситуация существенно изменилась. Появился огромный фактический материал, требующий обобщения и интерпретации с позиций достижений современной лингвистической науки, создания ретроспективной картины звуковой динамики монгольских языков на основе современной фонологической теории, сначала хотя бы по отдельным языкам этой семьи. Нам кажется, нет нужды доказывать, насколько актуальны и важны сравнительно-исторические исследования монгольских языков как сами по себе, так и в плане общей алтаистики.

Рецензируемая работа И. Д. Бураева, известного бурятского фонетиста-экспериментатора и фонолога, как раз и дает развернутую динамическую картину звукового строя бурятского языка, показывает эволюцию всей его фонетической системы в фонологическом аспекте, являясь по сути дела первым исследованием бурятского языка такого рода.

Последовательно проводя принципы фонологической теории в системном исследовании звуковых процессов, И. Д. Бураев впервые в монголоведении осуществил удачную попытку проследить эволюцию звуковой системы бурятского языка во взаимодействии внутренних и внешних факторов. В работе широко использован большой фактический материал из современных живых монгольских языков, их диалектов и говоров. В научный оборот при этом вводятся во многом новые данные по ранее неизученным бурятским говорам, значительная часть которых собрана лично автором монографии в условиях полевых диалектологических экспедиций. В процессе анализа постоянно привлекаются также факты из старописьменного монгольского языка, из древнетюркского и тунгусо-маньчжурских, главным образом эвенкийского, языков. Импонирующей особенностью исследования И. Д. Бураева является и то, что все свои изыскания он осуществляет на широком алтаистическом фоне.

Выполняя свои размышления в этом перспективном направлении, И. Д. Бураев пришел к очень важному для монголоведения выводу о решающем влиянии элементов эвенкийского и в какой-то мере тюркского субстратов на развитие звукового строя бурятского языка, о том, что в истории эволюции бурятского языка действовали процессы, появление которых было вызвано изменением родового состава носителей древнего бурятского языка, и что бурятский язык образовался как самостоятельный в семье монгольских языков именно в регионе Прибайкалья в результате скрещивания древних мон-